

7

Захватившие все слои населения события «Смутного времени» в Новгороде и Пскове дали темы для двух разноценных групп сказаний: городских и монастырских. Первые придерживаются еще летописного стиля, фактичны, оживлены реальными подробностями и обладают резко проводимыми политическими тенденциями — иногда демократического, реже антидемократического характера. Вторые, связанные с местными монастырскими святынями, бедны реальными чертами, насыщены тяжелой риторикой, назидательными отступлениями, рисуют события условными красками и трафаретными приемами.

Характерной чертой всех этих новгородско-псковских сказаний является отчетливое отражение в них социальной борьбы, происходившей между «молодшими» и «большими» людьми городского населения. Основной причиной этого внимания новгородско-псковской литературы к явлениям социального порядка было чрезвычайное обострение классовой борьбы в начале XVII в. именно в Новгороде и Пскове; здесь социальная рознь была особенно резкой в связи с тем обстоятельством, что мелкому люду

коренного населения противостояла переселенная из Москвы боярско-купеческая верхушка, стремившаяся захватить в свои руки как можно больше из былого богатства этих городов. Новгородские и псковские летописи, ведшиеся, несомненно, местными летописцами, твердо стоят на стороне мелкого люда против «властительские неправды и грабления и обиды».

Под 1611 г. в Новгородскую летопись включены два различных рассказа об одном и том же событии — взятии Новгорода шведскими войсками, действовавшими под командой графа Иакова Понтуса Делагарди. Оба эти рассказа возникли в составе летописцев, позднее слитых в Новгородской третьей летописи. Первый из этих рассказов, имеющий в летописи особое заглавие — «О взятии Великаго Новаграда от немец, и о разорении его», составлен опытной рукою книжника, изложившего события осады и приступа в привычных трафаретах воинских эпизодов. Действия шведов мотивированы гордостью их полководца Делагарди, который захватил перед тем Карельскую область «и оттоле разгордесе итти к Великому Новуграду». С новгородской стороны подчеркнуто обычное «разнство в воеводах и боярех», явившееся причиной неудач войск осажденных. Самый приступ описан в выражениях воинской повести: «бысть сеча зла и преужасна от пушечного бою, и от пищального зыку звонкаго». Первый приступ окончился победою осажденных. После приступа, в то время, когда «искуснии людие» молились день и ночь, — «суровии человеци» напились пьяными и утешали друг друга: «не устрашайтесе немецково нашествия, сему граду нашему взяту от них не быти, и людей во граде множество», а затем пьяные же забирались на городские стены и оттуда всячески ругались и досаждали шведам. Рассказ этот имелся, повидимому, в основном из источников Новгородской третьей летописи.

Живее составлена другая повесть, описывающая то же событие — «О взятии Новгородском и о послех», — включенная в Новгородскую третью летопись из «Нового летописца». Поводом для вставки послужило, повидимому, наличие в рассказе «Нового летописца» целого ряда подробностей, отсутствовавших в новгородском источнике. Подробности эти и определенная демократическая тенденция, которая не могла принадлежать официальному составителю «Нового летописца», говорят о том, что в основе этого рассказа лежит чисто новгородский источник — возможно погодная статья какой-то недошедшей новгородской летописи, оказавшейся недоступной в непосредственном виде также и для составителя Новгородской третьей летописи. Вместо простого упоминания «разнства» в воеводах эта повесть прямо говорит о пьянстве, нерадении, грабежах и измене новгородских начальников. Резко осуждает автор повести новгородского воеводу Василия Бутурлина, который, воспользовавшись тем, что шведы заняли Софийскую сторону, ограбил со своими ратными людьми лавки и дворы с товарами на Торговой стороне. Измена воевод противопоставлена в повести стойкости стрелецкого головы Василия Гаютина, дьяка Афиногена Голянищева, некоего Василия Орлова и казацкого атамана Тимофея Шарова с сорока казаками: «Многою статьею их немцы прелщаху, чтоб они здалися, они же не здашася, все помроша за православную христианскую веру». Софийский протопоп Аммос, бывший в запрещении у новгородского митрополита, заперся у себя во дворе с несколькими своими советниками, бился со шведами долгое время и многих перебил. Митрополит, служивший в это время молебен на городской стене, видя «крепкое стоятельство» провинившегося протопопа, заочно простил его. В конце концов шведы подожгли двор протопопа, перечившего митрополиту и не сдававшегося

шведам. В огне погибли все защитники — ни один не сдался живым, несмотря на многократные уговоры шведов.

На границе новгородской и псковской литературы находится «Сказание о бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России». Сказание носит резкий антибоярский характер, примыкая в этом отношении к новгородской повести «О взятии новгородском». Несмотря на то, что Сказание составлялось, по выражению С. М. Соловьева, «по стоустой молве народной», оно, тем не менее, довольно искусно по форме и языку, близко примыкая по стилю к московской литературе того же времени. Основная тема этой повести — выяснение причин «Смутного времени»: «како и откуда начаша сия злая быти». Тема эта составляет главное содержание многих повестей о «Смутном времени», где она варьировалась в зависимости от политических убеждений авторов. В «Сказании о бедах и скорбех» автор традиционно рассматривает все несчастья русского народа, как божие наказание за грехи. Однако в перечислении этих грехов автор отступает от традиционной точки зрения, чрезвычайно обобщавшей и абстрагировавшей причины божьего гнева общею греховностью людей. По существу автор считает греховной лишь одну часть русского общества — «бессловесных зверей» — бояр, «сильных градодержателей», «нарочитых людей».

Автор Сказания обвиняет бояр в чрезмерной склонности ко всему иноземному, в изменах, в постоянных попытках возвести на престол иноземцев, в разделении русских земель, в утеснении страны налогами, в присвоении государевых владений, в отравлении лучших государственных людей и т. д.

«Нецзы от боярска роду» изображаются всюду как «изменники и разрушители христианству, любящие поганские обычай и законы». Поляки умышляют на Русскую землю вместе «с русскими изменники с бояры». Бояре наговаривают Шуйскому на его брата Михаила, «портят» царицу Анастасию при Михаиле Романове. Самого Михаила Романова Сказание защищает — он добр, тих, кроток, смирен и благоуветлив, во всем подобен прежнему царю и дяде своему Федору Ивановичу. Во всех неурочениях Русской земли при Михаиле Федоровиче виноваты одни лишь «злые чаровники» и «зверообразные человеки» — бояре.

Сказание рассматривает события «Смутного времени» как знамения, предваряющие конец мира. Автор пытается найти аналогичные предвестия конца и за пределами России: «мню же тако и во всей вселенной творится ныне». Он приводит примеры прошлого «запустения и пленения градов» — Иерусалима, Александрии, Антиохии, Константинополя. Стиль вступления во многом следует библейской и апокалиптической лирике. Из апокалипсиса заимствован образ ангела, возливающего фиалы «на землю и в море и на всю тварь да погибнет, да остане третья часть во всей твари живущих» (Апокалипсис, гл. 16). Во вступлении близка к плачу пророка Иеремии о Иудейской земле лирическая картина разорения России: «О горе, горе, увы, увы! земля вся Руская пуста от востока и до запада, от севера и до юга, и не оста место, не токмо град, ни веси, но и сущи бежащи в горах и в пустынях и во островах не укрываша от поганых и злых человек, словесных зверей, все горко замучени, погублени быша...».

Таким образом, вступительной части Сказания придан характер речи библейского пророка, тесно связанный с изобличительным содержанием последующего изложения.

«Сказание о бедах и скорбех» дошло до нас в составе нескольких

псковских рукописей и поэтому обычно считается псковским. Надо полагать, однако, что первоначальный вариант сказания был составлен новгородцем. В этом убеждает нас то особенное внимание к Новгороду, которое чувствуется на всем протяжении сказания. В самом начале сказания, упомянув о пленении Русской земли Батыем, автор особенно отмечает, что общей участи избег лишь Новгород, и совсем не упоминает о Пскове: «Но тогда останок еще и надежда Израилю оста от пленения, в Велицей России глава всем и начало князем и мати градовом, Великий Новград со всею северною строною». Одним из главных несчастий Русской земли в «Смутное время» автор считает разорение Великого Новгорода. В описании этого разорения снова сказалась рука новгородца. Разорение это автор сказания считает случившимся «по божию попущению, за грехи наша». Он подробно описывает ограбление «святых мест», монастырей и церквей, пожар Софийской стороны. Отмечает, что «ниже от начала Великому Новуграду не бяше таково разорение», а затем упоминает о взятии Смоленска, об «отлучении» Пскова от Московского государства и о междоусобии и татарском возмущении в Казани.

Рассказывая о боярских злодействах, погубивших Русскую землю, автор особенно выделяет убийство Михаила Скопина-Шуйского, описанное чрезвычайно близко к повестям «о преставлении и погребении Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина» и «о рожении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина» (стр. 42). Этот рассказ в освещении событий совпадает и с песней о смерти Скопина (из сборника Ричарда Джемса — стр. 82). Резко направленное против бояр, это сказание об отравлении воеводы Скопина-Шуйского во многом следовало, очевидно, «стоустой молве народной» (С. М. Соловьев), а, возможно, пользовалось и устно-поэтическими песнями и преданиями о событиях начала XVII в.

Чем ближе к своему времени, тем все более конкретны и резки антибоярские тенденции составителя сказания. Особенно обострилось засилие бояр при Михаиле Романове. «Враг диавол древний» возвысил бояр «на издоимание [взятничество] наипаче насиловаху православных, емлюще в работу сильно себе». Пользуясь молодостью царя, бояре «ни во что же вмениша и не бояшеса его», уловили его лестью и привели к клятве «не казнити их смертью в случае каких-либо их преступлений, а «разсылать в затоки», откуда обычно выручали друг друга, заступаясь перед царем. «Сего ради и всю землю Русскую разделивше по своей воли». Захватили даже и царские села, пользуясь тем, что земские книги погибли в разорении; тяготили население оброками и налогами, изменнически вели себя во время войны с Польшей. Успешно действовавших с войском под Смоленском князей Матрьюкова и Троекурова бояре заменили другими. Последовали неудачи; осажденные, в свою очередь, поляками русские голодали и «многожды» посылали к государю о хлебе. Однако бояре изменнически сажали гонцов в крепости и от государя таили. «И не стерпя гладу ратнии людие и от града отошли прочь и начаша свою землю воевати и людей мучити, гневающеся на бояр». «Сицево бе попечение боярско о земли Русской», — восклицает автор повести — новгородец. Восклицание это настолько задело переписчика-псковича, что он прервал изложение смоленских событий, вставив небольшой рассказ о подобной же боярской измене по отношению к его родному городу. Вставка эта сделана безыскусственной рукой в обычном стиле псковской летописи и резко выделяется в сказании. Пскович-летописец по обычной манере псковской летописи ведет счет

людям по головам («и призваша во град голов их яко до трей соти»), отмечает цену на хлеб («уже была граду велика тута и печаль от гладу, куповаху бо хлеб кадь в полтора рубли и боле»), точно, в просторечных выражениях описывает обстоятельства осады Пскова (шведский король «стоял полтретья месяца под городом, много пакости учини, стену разбил 40 сажен, и на приступ приходил и много людей побил, и подкопы вел, и наметными ядрами стрелял огненными и голыми ядры и камением»). Тщетно посылали псковичи к царю «о испоручении». Так же, как и при осаде Смоленска, бояре не допускали псковских посланцев до государя, утешали его «от печали», а гонцов отсылали назад с радостью, что «тотчас государь посылает воя на испоручение вам». «Сицево бе попечение боярско о граде», — восклицает летописец-пскович, явно соотнося свою вставку с предшествующим аналогичным восклицанием автора сказания — новгородца.

Но не только в этом состояла боярская измена при осаде Пскова. Автор-пскович спешит прибавить и другой слух: «Еще же к сему ино нечто сотвориша в то же время бояре, егда обстоим бе град Псков от поганых немец». «Некии вои», грабившие в Поморье население, решив заслужить царево прощение, просили, чтобы их послали «на испоручение Пскову и на Свейскую землю воевати». Но бояре, посоветовавшись, решили этих вольных людей поработить себе, «понеже наши рабы преже быша», и, призвав их из города, «голов их яко до трейсот» похватили, оставшихся же разгромили ратью.

Приведя этот рассказ, переписчик-пскович вернулся к повествованию о смоленских событиях, в изображении которых повесть разительно сходна по идее с исторической песнею об осаде Смоленска. И тут и там Смоленск — исконно русский город (в песне: «строеньице московско»), борьба за возвращение которого Московскому государству — общенародное дело. И тут и там бояре изображаются прямыми изменниками, злыми советниками своему государю. Под конец сказание рассказывает о том, как бояре «испортили» невесту Михаила Романова Анастасию Хлопову. «А все то зло сотворися от злых чаровников и зверообразных человек, не хотящих видети христианского покою и тишины, и гнушахуся своего государя и гордахуся, не хотяще в покорении и в послушании пребывати и не боящися отнюдь, понеже милостив бе, и любяще и миловаше их и вся подаваше им, яже они прошаху, и своеволни беша, якоже и преже рех; издавна бо похотеша себе государя взяти от чюждих стран...».

Псковская летопись за годы «Смуты» не претендует на широкие исторические обобщения и не пытается выяснить причины «Смуты», как это делало историческое повествование в Москве. Внимание псковского летописца привлекают главным образом события родного города, о которых он рассказывает запросто, как бы беседуя с читателем. Демократичная в стиле, псковская летопись демократична и по содержанию. Летописец умело передает тревожную обстановку своего времени: городские волнения, пытки, казни, доносы, конфискации имущества, панические слухи и «всякая неслезанная», творившаяся в Пскове от «несоветия» псковичей.

Событиям псковской «смуты» летописец предпослал небольшой рассказ о знаменьях, предшествовавших ей: «Родила корова теля о дву главах,

о двух туловах и двой ноги; родила жена отроча, тело едино, голова еди-на, хребты вместо, руки двой и ноги двой»; по зиме вошли в Псков два волка. Все это свидетельствовало, по мнению летописца, о наступающем несогласии и раздвоении в царстве.

События псковской «смуты» начинаются летописцем с 1610 г., когда «Литву отпустиша на псковской рубеж с Москвы с провожатыми». Роспуск этого иноземного войска, приведенного в Москву Михаилом Скопиным-Шуйским, и послужил началом бедствий. От Литвы и от «немец» пошло «всякое разорение грех ради наших». С тех пор, говорит летописец, «по мерче всякая добродетель, а вся злая покрыва земля Рускую», а во Пскове «начальное развращение» и «нелюбовное житие» стало.

На покрытие этих убытков Василий Шуйский просил с купцов и с великих людей, «богатством кипящих», денег. В Пскове, однако, деньги собирали не только с богатых, а «по раскладу» и с больших и с меньших и даже «со вдовиц». С этими деньгами послали в Москву пятерых, снова нарушив обычай — «не по выбору», а назначив тех, кто перечил большим людям «о грацком житии и строении» и заступался за бедных сирот. Вслед за этими людьми — Самсоном Тифинцем, Федором Умойся-Грязью, Еремкой Сыромятниковым, Овсейкой Ржовым, Илюшкой-Мясником — отправили в Новгород отписку, предназначенную для Шуйского: «Мы тебе гости псковские радеем, а сии пять человек государю добра не хотят». По этой отписке посланных в Новгороде схватили и посадили в тюрьму. Не посадили только Еремку Сыромятникова, так как имя его не было упомянуто в отписке: «а добра ему похотел Петр Шереметев [псковский воевода], не написал ево, что на его много всякого рукоделья делал без найму». Вернувшись в Новгород, Еремка Сыромятников рассказал псковичам о судьбе посланных и об изменной грамоте. Да и купец Григорей Щукин проговорился, похвалившись словом: «которые де поехали с казною, и тым Живоначальные Троицы верха не видать и во Пскове не бывать». «И с тех мест развращение бысть велие во Пскове: большии на меньших, меньшии на болших; и тако бысть к погибели всем», — замечает летописец.

С явным несочувствием изображен в летописи псковский воевода Петр Шереметев, не только подозрительно относившийся к меньшим людям и потакавший во всем большим, но и склонный к измене, чему противопоставлен патриотизм меньших людей. «Петр Шереметев многожды псковичь спрашивал и думы от них просил, что де у вас дума? Скажите мне! И у Пскова думы не было никакие. А о немцах он говорил, что будут де во Псков. И псковичи ему отказали: мы де не хотим немец и за то помрем. А Петр Шереметев надеялся на больших людей во всем. А оне ему во всем льстили и потакивали, а на мелких наносили и обиду чинили. А мастеровые люди даром делали на него всякое рукоделие».

В 1607 г. воевода Шереметев и дьяк Грамотин «села дворцовые лутшие себе взяли в поместья и в кормление, всех крестьян, и прочие воеводы — кто ж себе». Не взлюбили Шереметева псковичи и за то, что он «темницы лютые поставил во граде; а преж были простые без ограды». Недовольство воеводами уже задним числом сказывается и в записи 1611 г. Описывая тяжелое положение Пскова, окруженного немцами и Литвой, когда Пскову не было ниоткуда помощи, летописец говорит: «В те лета смутные воевод не было во Пскове; един был дьяк Иван Леонтьевич Луговской, да посадские люди даны ему в помочь; и с теми людьми всякие дела и ратные и земские расправы чинил, и божию милостию иноземцы не совладе-

ли ни единым градом псковским; а совладели, как воевод во Пскове умножено, и Псковщину пусту сотвориша и города поймаша».

Описывая воеводские неправды и грабления и обиды, летописец обычно прибавляет, что все это чинилось в согласии с большими людьми, что большие люди не отставали от своего воеводы во всякого рода насилиях, хватали «винных и неповинных», мучили их пытками, бросали в ров, сажали в тюрьмы. «А хто молвит про то, что неповинно мучат, и тово прихватят, глаголюще: и ты такой же, за изменника стоишь». Зато сочувственно изображен в летописи вождь восставших, «мужик простой именем Тимофей, прозвищем Кудекуша Трепец». Этот Кудекуша, будучи схвачен, «стоял крепко у пыток» и, хотя ему «далося пуще всех», не смалодушествовал и воеводам «указывал».

Язык псковской летописи за эти годы прост и выразителен. Зачинщиков восстания летописец называет «кликунами», о внезапно возникшем слухе говорит «промчеса слово», приехавших в Псков в 1609 г. воевод характеризует: «добрые мужи, в разуме и в седицах». Летописец умеет с искренней теплотой сказать о присланных во Псков царем Василием пленниках из Северских городов: «и тех псковичи поили, и кормили, и одевали, и плакали на них смотря». Через два года, когда их выпустили, летописец снова повторяет, что псковичи их «и напоили и накормили и одели», а затем дали им возможность уйти в «таборы» под Москву. Псковская летопись еще прочно сохраняет свой традиционный стиль, выработавшийся на протяжении нескольких предшествовавших столетий.

В отличие от рассмотренной новгородско-псковской литературы, псковская повесть «О смятении и междоусобии и отступлении псковичь от Московского государства» изображает сложные перипетии классовой борьбы в Пскове в период «Смуты» исключительно с точки зрения господствующих слоев псковского населения: «начальников града и лутчих людей, дворян и гостей, черныцов и попов, и всех белых людей». Этим «лучшим людям» противостоят в повести низшие слои городского населения: «мятежницы и развратницы..., самоначальницы, кличницы, кровопивцы мучащии без правды, похищающии чужая имения и не хотящии под властью жити». Несмотря на односторонность изображения, в повести живо отобразились детали социальных неурядиц; в ней отсутствуют отвлеченные рассуждения, морализирования, она по псковскому лаконична, конкретна. События повести обнимают собою период в 30 лет. Не все из них изображены с равным вниманием, однако в общем автор повести стремится дать подробное изложение псковской истории за время «Смуты», лишь в незначительной степени упоминая о событиях общерусского характера.

В отличие от других исторических писателей своего времени, автор повести не пытается выяснить общие причины «Смуты», как это делал, например, автор «Сказания о бедах и скорбех и напастех». Начав повествование с убийства в Москве «ложного царя» Дмитрия и отсылки в Литву «воровской литовки» царицы «Маринки», автор переходит прямо к появлению в псковских пригородах «смутных грамот» Тушинского вора, отчего псковичи «начаша быти в своей воли». В лапидарном стиле псковской летописи описано в повести возникновение пожара от «дворового варения» (в псковской летописи сказано «кисель варили»), южный ветер, понесший огонь к площади, панический страх, овладевший людьми, постепенное распространение по городу огня, охватившего в конце концов и «зеленые полаты» (пороховые погреба), отчего «зелием вырвало» часть Кремля и лю-

дей много каменнем побило. Доведенные до отчаяния пожаром, спалившим почти весь город, кроме двух монастырей и соборной церкви с гробницей князя Довмонта, псковичи — «народ, чернь и стрельцы» начали грабить богатства «нарочитых людей» и, «диаволом надхнени суще», подняли крик: «боляре и гости город зажгоша», после чего камнями погнали «лучших» людей псковских в самый пожар. В следующий момент смута разрослась в Пскове до серьезных размеров. Бояре и купцы, которых гнали в огонь, бежали из города. На утро восставшие начали «нарочитых гостей» казнить и сажать в темницы. Новгородские гости послали в Новгород за казаками. В Пскове не было «ни наряду, ни зелия, но мало бе и оружия ручного». Псковичи вышли навстречу казакам, лишь «колие заострив».

Описывая «самовластие смердов», автор повести всегда точно стремится передать мотивировки поступков «самона начальников» и «кличников», рисует живые картины, передает характерные детали. Он отмечает, что плохо вооруженный народ не знал ратного дела, что «неурядное их воинство» выходило против новгородских казаков без воеводы и нарядника, «яко на борьбу или на кулачный бой», что псковичи действовали иногда «со щиты рыбницкими на возех», «кричаще и вопиюще, и ничтоже знающе ратного дела». Живо рассказано в повести о притеснениях, которые испытывали псковичи от возвращавшейся на родину «убегом» из Руси польской рати Лисовского. Поляки, остановившись за городскими стенами, стали ходить по городским кабакам и свою «великую казну пропивати и платьем одеватися», а в конце концов, проиграв в зерние (в кости) и пропив награбленные ими русские богатства, начали грозить псковичам: «мы уже многия грады пленили и разорили, такоже будет от нас граду сему Пскову, понеже убо живот [богатство] наш весь зде положен в корчме». Едва удалось псковичам хитростью отвадить их из города.

К этим новгородско-псковским повестям о «Смуте» примыкают две повести об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.

Наиболее ранняя из этих повестей — «Сказание о осаде и о сидении в пречестней обители честнаго и славнаго ея Одигитрия чудотворнаго образа обретения Тихвинския» — включена также в Новгородскую третью летопись, но происхождения, повидимому, внелетописного. Она составлена лицом, близко знавшим события осады, обильна фактами, точными датировками, приводит такие подробности приступов и сражений, которые указывают, что писавший не был чужд военному делу и хорошо знал технику обороны и осады крепостных сооружений. Одна деталь указывает на то, что при своем включении в новгородскую летопись повесть подверглась некоторым исправлениям. Позднейшая переработка ее 1658 г. — обширная повесть об осаде Тихвинского монастыря шведами — содержит более точное историческое известие о воеводах Вельяминове и Прозоровском, которых царь Михаил Федорович послал в Псков. Известие это, повидимому, имелось и в первоначальной редакции краткой повести. При включении в Новгородскую третью летопись летописец заменил Псков более близким ему Новгородом, хотя воеводы были посланы именно в Псков.

В 1658 г., на основе этого включенного в третью Новгородскую летопись «Сказания о осаде и о сидении в пречестней обители честнаго и славнаго ея Одигитрия чудотворнаго образа обретения Тихвинския» сложилось

пространное повествование об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. Автор этого повествования, повидимому, иконник Тихвинского Успенского монастыря Иродион Сергеев, на основе фактических данных краткой старшей повести, развернул обширное сказание, состоящее из 122 глав (из которых опубликовано пока лишь 43 — с 25-й по 67-ую), но значительно обеднил содержание, опустив характерные подробности, оживляющие изложение его первоисточника. Цель пространной повести — прославить новыми чудесами Тихвинский монастырь, и потому она не столько рассказывает о событиях, сколько поучает. Эта повесть принадлежит к типу сказаний о местных святынях и широко пользуется обычным для этого рода произведений извитием словес. Эта риторика и делает изложение повести растянутым, однообразным и запутанным.

Сравнительно с краткой повестью, события вставлены автором в широкую историческую перспективу. Осада Тихвинского монастыря описана в связи с избранием на царство Михаила Романова (для чего сделаны заимствования из Хронографа 1617 г. и из «Нового летописца» — главы 25 и 27). Изредка пространная повесть использует какие-то записи чудес от иконы Тихвинской богородицы, которые, по другим данным, велись еще с первой половины XVI в. В остальном повесть следует за кратким сказанием, разбавляя его неумеренной риторикой, усиливая чудесный элемент, вводя вымышленные речи, молитвы и не столько излагая события, сколько передавая их назидательный смысл, чтобы возбудить в читателе благочестивое настроение. Все события осады изображены как борьба божественного промысла, которому противостоит злая воля иноплеменных полководцев. Шведы постоянно именуется «зл»верными», «окаянными», «зл»бесными». Они устремляются к монастырю «яко дивие звери», «возскреж»тавшие зубы своими с великою гордостью», наполнившись яростью и дышущие гневом. Русские, наоборот, беспрестанно молятся, обливаются слезами радости и умиления, поступают по указаниям видений, руководствуясь благочестием и верой.

Соответственно основному назначению — прославить Тихвинский монастырь — в пространной повести усилен чудесный элемент. Так, например, если в краткой повести шведы бегут «никим гоними», то в пространной они бегут «божиею силою гоними». В кратком сказании шведам в один из моментов осады показалось, что «в острог пришло новых людей пять знамен». В пространной повести этих знамен оказывается уже 12 — они велики, золотые и светлые. С этими знаменами вошло «многое множество страшных воин». Отдельные эпизоды до чрезвычайности обобщены и нивелированы. Нивелировка событий достигается устранением из них всего конкретного, заменой обычных военных терминов отвлеченными перифразами, за которыми иной раз трудно угадать их реальное содержание. Так, например, в повести говорится о «неких ухищрениях», предпринятых шведами против осажденных, о «бранных сосудах», об «огненных козно»действиях», «о земленокрепостных ухищрениях» и т. д.

По своему характеру повесть об осаде Тихвинского монастыря шведами близко напоминает другую монастырскую же повесть XVI в. на аналогичную тему — об осаде Пскова и Псковско-Печерского монастыря войсками Стефана Батория. Она отличается такими же обширными размерами, также объясняет счастливый исход событий милостью и помощью богородицы, также рассказывает о многочисленных видениях богородицы, укреплявших мужество осажденных, также описывает поражение врагов невидимой си-

лой и также была предназначена в качестве назидательного чтения, прославлявшего Псковско-Печерский монастырь.

События «Смутного времени» изображены в псковско-новгородской литературе в различной манере и с различных точек зрения. Это свидетельствует о том, что местные литературные школы в значительной мере уже отмирали и дали доступ самым разнообразным литературным влияниям и настроениям. В литературе XVII в. мы больше не найдем уже тех сепаратистских, центробежных стремлений, которые были характерны для нее в предшествующие столетия. В ней нет ни особой «областной» исторической концепции, ни полного единства местных литературных стилей. Лишь летопись сохраняет еще свой традиционный характер, который оказывает некоторое влияние на самостоятельное историческое повествование. Этот местный летописный стиль сказывается особенно в Пскове. Однако летописание Новгорода и Пскова, в отличие от предшествующих столетий, становится все менее официальным, демократизуется и дает широкий доступ выражению антибоярских взглядов «молодых» людей. Все более остро чувствуется патриотическая тенденция, все более интенсивно проходит идея необходимости решительного отпора иноземным войскам. Чувство единства русского народа никогда еще не сказывалось в новгородско-псковской литературе с такой силой, как именно в это время. С этой стороны замечательна самая близость новгородско-псковских повестей к фольклору. С фольклором сближает новгородско-псковскую литературу отношение к Скопину-Шуйскому, к боярам, изменнически ведшим себя при осаде Пскова и Смоленска, угнетавшим население Новгорода и Пскова. Вслед за историческими повестями этой поры новгородско-псковская литература решительно становится на общерусскую точку зрения, рассматривая и Новгород и Псков как неотъемлемые части Русской земли.